

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача предисловия, по-видимому, в том, чтобы задержать читателя, помешать ему свободно войти в книгу. Незавидная роль!

Поэтому — как можно короче: стихотворения Дмитрия Щедровицкого хочется перечитывать. Но ведь это и значит, что они — поэзия. Только поэзия — мир, где в отличие от всех прочих миров можно дважды войти в одну и ту же реку. Потому что слова поэзии преодолевают время. В стихах Щедровицкого главное то, что они подчиняют себе время, обезвреживают его коварство и способность губить. И поэтому в его словах можно услышать Слово.

Я уверен, что этим стихам суждено торжествовать над временем.

М. В. Панов

I

ИЗ КНИГИ
«АНГЕЛ СООТВЕТСТВИЙ»
(1972–1973 гг.)

* * *

Как самоцелью и судьбой сонат,
Как в сон глубокий,
Сквозные зданья снежные звенят
На солнцепеке.

Преображенный переходит в боль —
И виден лучше,
Когда так сладко редок лист любой
В осенней гуще.

И в небольшие эти города
Уйду на треть я,
Неразличимый от кусочков льда,
От междометья...

1972

ПРИГОРОК

Подрезанное дерево — диковинный светильник,
Березы — только вышиты, судьба — совсем с иголки.
Лесные звезды спрятаны в суставах клена тыльных,
И светятся раскрытые ворота на пригорке.

Несложный выкрик скрытых птиц по рошицам рассован,
В глотанье глины — голоса разломанной недели,
Из глуби запаха болот — из кислого, косого —
Зовут белесо. Не поймешь — ликуют ли, в беде ли.

И ветер выросший поет, взобравшийся на клирос,
В воде сияют под травой невиданные лики...
Расстелим плащ, разломим хлеб, посетуем на сырость:
Идти придется до утра — темно стучать в калитки.

1972

EXODUS

Над умами, полными товара,
Над душой, площадью со стыда,
Городов холмистая тиара,
Непобитый козырь — Амстердам.

И один среди двухсот владельцев
Дыр в холмах и лучших в море мест
Жаждет в небо бурое взглядеться —
И узреть из туч проросший перст.

1972

АЛИ

Со смертью Али прекратились потоки,
И падали звезды, вопя о пощаде,
Вздымались низины, померкли пророки —
И вспыхнуло небо, с землею в разладе.

Но молвил Али о таинственном нищем,
Что явится ночью за царственным телом,
И брошен был труп на тележное днище,
И выли колеса в саду оголтелом.

Плоды опадали и лезли из кожи,
Но следом разгневанный вышел потомок,
И лошадь нагнал, и схватился за вожжи,
Взмахнув над возницей мечом средь потемок.

И нищий откинул с чела покрывало:
Открывший лицо пролетавшей комете —
Али улыбался... И как не бывало
Ни лиц, ни времен, ни телеги, ни смерти.

1972

МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ

Ночь содрогнулась приближеньем боли,
Плоды пространства страхом налиты,
Звезд оскуденье слышимо сквозь голый
И зримый голос пустоты.

Толпой созвездий густо замирая
У входа в суженный зрачок,
Отягощенный свет вызывает: «Равви!
Я в этой тьме один, как светлячок».

1973

* * *

Кого ты встретил,
Кого ты видел возле грушевой горы,
Кто с нами третий,
Кто двери лета затворенные открыл,

Кому все эти
Дубы и клены многоярусной игры,
Кто чище смерти
Оделся в тогу аистиных сладких крыл?..

1973

* * *

К небосводу багрового гнева
Обратился приземистый лик:
За окном собирались деревья,
Я поклоном приветствовал их.

— Что нам делать, стропила вселенной,
Колоколенок птичьих столбы,
Коль в подлунном наследном именье
Мы — клейменные страхом рабы?

— Препояшемся бранной листвою
И на пилы пойдем напролом,
Если Темный воссядет главою
За медовым гудящим столом.

Нам известны хоромы и клетки,
Мы в любое глядели окно.
Лишь молчавшим в течение столетий
На Суде будет слово дано.

1973

ГЛУХОЙ

— Для чего ты звенишь, шелестишь,
Дал истоки звучаниям разным,
Разве ты соловей или чиж,
Что тревожишь нас голосом праздным?

— Что мне делать? При жизни со мной
Говорили лишь стоном и ревом,
И пред самой кончиной, весной,
Только клен перекинулся словом.

1973

ИРЛАНДИЯ

Ты — болот и трясин колонист —
Пренебрег водопадом гортанным.
Рукавом от чудес заслонишь,
Ослепленный ирландским преданьем:

Как оделись в печаль догола
И тела их олени, и лица,
Как из лука выходит стрела,
Будто слово из уст прозорливца,

Как зеленый пронзен средь полей,
Как в огонь увлекает багровый,
Как настигнутый синий олень
Закрывает надмирную кровлю,

О зверье застывающих чаш
Возвещая серебряным горном,
Расстилая светящийся плащ
В дольном мире и в Имени горнем.

1973

II

ИЗ КНИГИ «КЛЕНОВЫЙ КЛАН» (1974–1976 гг.)

МОТЫЛЕК

О, не летавший вовсе не жил,
И ждет бурлящая смола,
Иль холод ждет его. Но где же
Душа осуждена была
Летающая? Даже реже,
Чем в глаз вонзается игла, —
Случится то, что с Силой Зла
Произошло.

Недвижны межи
Меж тварью, что во тьме ползла —
И той, что дни считала те же,
Раскинутые веси нежа
Под перекладиной крыла:
Такая, лишь смежила вежды, —
Из тьмы в нетленье перешла.

Простором медленного взлета
И ты, погибший, одарен:
Тебя носил счастливый сон
Из края в край, в ночах без счета,
И обо всем земном заботы

Ты оставлял внизу, лишен
Телесной тягостной дремоты.

Но был убит однажды кто-то
Тобой, и жил на свете он
Лишь день. Ты вышел на охоту,
Бежал и медлил, ослеплен
Той полнотой ожившей ноты,
Тем бытием двойного счета,
Каким убийца наделен...

Бессрочно, как подруга Лота,
К вине соленой пригвожден, —
Как склеп под слоем позолоты,
Ты канешь в темный Аваддон!..

1974

* * *

Во мгле заграждали чешуйчатой грудью,
Встречались зимою — и было теплей,
Мостами легли, берегли перепутья,
Ловили с обрыва, скрывали в дупле.

И слух, оглушенный первичной виною,
Очистился жертвой раскинутых рук
Великих деревьев, увиденных мною
В садах городских, и во сне, и в жару.

Приближу к губам умолкающим палец —
И слышу, как бодрствует в мире ветла,
В молчанье зеркальной горой рассыпаясь
И Бога святя в сердцевине ствола.

1974

СТИХИ

— Зачем бегут в чужие страны
Из теплой памяти жилой?
— В ее ворота гроздью пьяной
Природа смотрит тяжело —

И шепчет: «Я тебя разрушу,
Но сохраню твои слова».
— И им не терпится наружу,
Туда, где речь всегда жива.

1974

* * *

Без ветра я не вижу. Это он
Несет навстречу полдень и размеры —
Всех ароматов тайный эталон,
Рождающий в невидимое веру.

Едва к незримой скважине прильну,
Я слышу: он, подобно пьющей лани,
Подталкивает мелкую волну
Из глубины в каналы обонянья.

Фигуры возникают к сентябрю
Избытых судеб — поредевшей бронзы,
И я на них сквозь изгородь смотрю,
Особенно — когда темно и поздно.

1974

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.